

**«Конфликтология» преподобного Аввы
Дорофея
протоиерей Михаил Дронов**

Почему современен авва Дорофей

Проблема конфликтов между людьми сегодня для психологов и социологов стоит на важнейшем месте. Условия сегодняшней жизни – это все ускоряющиеся ее ритмы и постоянное общение с людьми; общение пусть поверхностное, но со столь широким кругом людей, какой не могли и помыслить себе учителя нравственности ни в IV, ни даже в XVIII веке. Однако все это вовсе не значит, что святоотеческие наставления для нас устарели.

Например, беседа *О злопамятности* преподобного аввы Дорофея¹, жившего в конце VI – начале VII веков, в общем-то предназначалась для монахов, как и все его поучения. Но по нескольким причинам она поразительно подходит сегодня для нас всех. Во-первых, сейчас нам особенно нужна его необычайная отеческая снисходительность к немощи новоначальных учеников. Во-вторых, для нас важна ситуация, в которой у аввы Дорофея возникала потребность давать именно такие наставления. Подобную ситуацию скопления большого числа людей, не связанных родственными узами или взаимоотношениями сверстников и в то же время постоянно общающихся между собой на основе взаимного равенства, тогда можно было встретить только в общем жительстве монахов.

В эпоху патриархального быта, которая, кстати, явные признаки своего отмирания стала подавать лишь каких-то 100–150 лет назад, жизнь людей была полностью замкнута на внутрисемейный круг и хорошо характеризуется известным афоризмом: “Мой дом – моя крепость”. Так что тот тип социальных отношений, который тогда был исключением и встречался только в “киновиях” и “лаврах”, населенных собравшимися туда для совместного духовного и телесного труда монахами, теперь стал повсеместной реальностью жизни. Теперь каждый человек не меньше половины своего времени проводит в “коллективе” людей, случайно оказавшихся вместе: группа детского сада; школьный класс; производственный коллектив; больничная палата; очередь; туристическая группа, – да мало ли еще что, всего не перечислишь. И везде человек так или иначе общается с окружающими “случайными” людьми, с которыми его сближает лишь общее дело или место.

Поэтому, как мы видим, поучения аввы Дорофея, возникшие в связи с проблемами взаимоотношений монашеской братии, через четырнадцать веков удивительным образом оказались актуальными для мирян в глобальных масштабах.

Развитие “конфликта” по авве Дорофею

Речь пойдет не о семейных конфликтах, хотя их природа и механизм протекания сходны с прочими проблемами межличностных отношений. Родственность, однако, будь то близость супругов, отношения “отцов” и “детей” или взаимоотношение братьев и т. д., – это слишком глубокий и мощный фактор, который по своей природе гасит мелкие конфликты и как правило не дает им укорениться вглубь. Сегодня, когда одним из главных пороков общества признан страх вступать в глубокие межличностные контакты, когда люди предпочитают обходиться ритуальной ложью поверхностных полуконтактов, многие психологи говорят, что во взаимоотношениях близких людей конфликты – признак глубоких, искренних отношений. Избежать конфликтов все равно невозможно, но в их преодолении происходит более тесное единение людей. Что касается того, как их преодолевать, то путь, указанный аввой Дорофеем, одинаково подходит и для монашеской братии, и для сотрудников по работе или одноклассников, и для людей, связанных родственными узами.

Речь, однако, сейчас пойдет более всего об общении людей, объединенных весьма поверхностными связями, но в силу обстоятельств довольно тесно общающихся между собой.

“Случается, что между братьями произойдет смущение или возникнет неудовольствие...”, – так обозначает авва Дорофей начало конфликта, не углубляясь в детализацию его внешних поводов. Далее он насчитывает четыре этапа развития конфликтной ситуации от случайной стычки до глубоко затаенного в душе зла – злопамятства, если конфликт зашел слишком далеко. Эти этапы: 1) смущение; 2) раздражительность; 3) гнев; 4) собственно злопамятность.

“Смущение” и “раздражение”

“Смущение” – это завязка конфликта, естественная реакция на “слово брата, – как пишет авва Дорофей, – нанесшего оскорбление”. “Смущение же есть то самое движение и возбуждение помыслов, которое воздвигает и раздражает сердце”, – в этом, согласно авве Дорофею, состоит начальный этап конфликтной ситуации.

Второй этап – раздражение; как его определяет авва Дорофей, – это “отомстительное восстание на опечалившего...”. Чтобы точнее передать, в чем состоит раздражение, авва Дорофей находит еще другое его название: “Его также называют острожелчием (вспыльчивостью)”.

В чем же состоит развитие конфликта на этом этапе? Смутившись,

растерявшись в первый момент от неожиданно встреченного недоброжелательства, вслед за этим человек многократно “прокручивает” в памяти инцидент. При этом, разумеется, он начинает особо остро ощущать несправедливость того, “как со мной поступили”, и разгоряченно перебирать в уме способы, которыми он “восстановит” справедливость. Авва Дорофей поясняет: “Если же ты будешь продолжать ... раздражать и возбуждать сердце воспоминанием: «зачем он мне это сказал, я и ему скажу то и то»; то от сего самого стечения и, так сказать, столкновения помыслов согревается и разгорается сердце, и происходит воспламенение раздражительности, ибо раздражительность есть жар крови около сердца”.

Не удовлетворившись собственным заключением сущности раздражения, преподобный Дорофей обращается к авторитету другого писателя-аскета, преп. Марка Подвижника: “как сказал блаженный авва Марк: «злоба, питаемая помышлениями, раздражает сердце””.

Во что перерастает раздражение?

Итак, во что далее переходит раздражение? “Когда возгорится раздражительность, – объясняет переход от второго этапа состояния конфликта к третьему авва Дорофей, – если он то есть брат и замолчит, но будет продолжать смущаться и возбуждать себя, то он делается, как мы сказали, подобным тому, кто подкладывает дрова на огонь, и они горят, пока наконец образуется много горящего угля, и это есть гнев”.

После весьма красочного описания порывов ярости, сделанного в свое время свт. Григорием Богословом, когда “законы отметались в сторону, врага, отца, жену и родных – всех сметал стремительный поток...”², или же после описания гнева, оставленного свт. Тихоном Задонским, когда человек “негодует и шумит, клянет и ругает сам себя, терзает и бьет, ударяет по голове и лицу своему, и весь трясется, как в лихорадке”³, показ гнева аввой Дорофеем может показаться слишком бледным.

Гнев авва Дорофей в сравнении с другими этапами развития злопамятности описывает наименее выразительно. Безусловно, на это есть свои причины. Прежде всего не требовалось в поучении к монахам, стремившимся контролировать каждый свой помысел (что, понятно, приходило не сразу), тратить время на борьбу с пороками, которых у них не было. Научиться держать себя в руках во внешнем поведении, – это первое, с чего начинал каждый из них еще в миру.

Ясно, что гнев учеников аввы Дорофея принимал иные, не столь ярко выраженные формы. Поэтому третий этап развития конфликта он обозначает, кроме “гнева”, еще другим словом: “Раздражение же ... обращается в дерзость”. Значит, дерзость, то есть внутренняя решимость удовлетворить свою мстительность (неважно, будет ли она осуществлена), – это одна из форм гнева. Об этом особенно хорошо следует помнить нам, живущим в обществе, где также (правда, по другим причинам) слишком прямые проявления гнева считаются неприличными. Ярость и гнев в нынешнем “цивилизованном” обществе позорны не потому, что они по сути – покушения на заповедь “не убий”, а потому что открывают постыдную слабость характера... А вот дерзость, то есть внутренне контролируемый гнев, в наше время почитается прямо-таки доблестью.

Однако человек, одержимый любой формой гнева, как подчеркивает преподобный Дорофей, претерпевает тяжелые мучения духа, он не свободен, он “побеждается сею страстию...”, то есть страдает...

В чем состоит “злопамятность”?

“Случается, что, когда между братьями произойдет смущение или возникнет неудовольствие, – показывает развитие конфликтной ситуации авва Дорофей, – один из них поклонится другому прося прощения, но и после сего продолжает скорбеть и иметь помыслы против брата. Таковой не должен пренебрегать сим, но пресечь оные вскоре, ибо это есть злопамятность!”. Итак, злопамятность, – это неизжитое, затаившееся в душе зло на человека. Злопамятность мучит и изматывает прежде всего самого того, в чьей душе она поселилась. Все взаимоотношения с “предметом” мстительной памяти отравлены немирным состоянием духа. Человек и хотел бы освободиться от этого огорчающего его чувства, да не так-то это просто!

Проявления злопамятности, описанные аввой Дорофеем, опять воспринимаются очень современно:

“Воздать же злом за зло можно не только делом, но и словом, и видом ... случается, что кто-либо одним видом, или движением, или взором смущает брата своего; ибо можно и одним взглядом или телодвижением оскорбить брата своего ... Другой ... в сердце своем имеет неудовольствие на брата своего и скорбит на него”.

“Другой ... если услышит, что кто-нибудь оскорбил того в чем-либо, или его побранили, или унижили, и он радуется, слыша это ... Другой ... не радуется и благополучию его; но если видит, что того прославляют и тому угождают, то он скорбит...”.

“Иной ... через несколько времени после примирения, если тому опять случится сказать что-либо оскорбительное для него, то он начинает вспоминать и прежнее, и смущаться не только о втором, но и о прежнем”.

Кроме некоторого сходства “той” и нашей ситуацией, между начинающими учениками аввы Дорофея и средним “воспитанным” человеком сегодня есть и принципиальное различие. Те пришли в монастырь, чтобы освободиться от обуревающих их страстей, а наш современник едва ли задумывается, что сам глубоко страдает от мстительности и злопамятности. К подобным страстям современные люди относятся в большинстве своем как к одной из своих естественных потребностей: возникло чувство голода – надо поесть; появилось мстительное желание – надо отомстить...

Не так воспринимали страсти тогда. Новоначальные приходили к опытным старцам с вопросом жизни и смерти: как освободиться от этой

муки ада, постигшей душу еще в земной жизни... Но и ответ не был “легким рецептом успеха”, какие нам отовсюду навязывают сегодня. “Посему и говорю вам: всегда отсекайте страсти, пока они еще молоды ... потому что иное дело вырвать малую былинку, и иное – искоренить большое дерево”, – так поучал авва Дорофей.

Преодоление конфликтов

Легче всего со страстью злопамятности бороться в самом начале: остановить себя на уровне “смущения”. Как это можно сделать? Самый простой способ, как говорит авва Дорофей, когда между братьями произойдет смущение или возникнет неудовольствие, – попросить прощения. Что показательно, преподобный даже и не собирается уточнять, кто именно должен это сделать – тот ли, кто оказался причиной этого “неудовольствия”, или “пострадавший”. Ясно, что искать виноватого – тупиковый путь, пострадавшим считает себя каждый. “Один из них, – просто говорит авва, – поклонится другому, прося прощения...”. То есть тот, кто первый заметил в своем сердце смущение, тот и должен поспешить первым от него освободиться.

Обобщая еще раз, как преодолеть конфликт на первом этапе, авва Дорофей заключает: смущение, “если хочешь, можешь удобно погасить, пока оно еще не велико, молчанием, молитвою, одним поклоном от сердца”. “Ибо если кто-либо в начале смущения ... поспешит укорить себя и поклониться ближнему, прося прощения, прежде нежели разгорится раздражительность, то он сохранит мир”.

Но вот самый начальный момент упущен. “Былинка” смущения (то есть момент, когда мучительная впоследствии страсть только зарождается), прежде чем была замечена, все же успела вырасти и грозит превратиться в укоренившееся дерево злой страсти! Тем не менее, все же еще остаются средства освободиться от него, хотя это потребует большего труда. Наука о духовной жизни аввы Дорофея поможет определить, на каком этапе, какими средствами следует противостоять развивающейся страсти.

Какие усилия потребуются, чтобы побороть эту страсть на этапе “раздражения”? Это совсем не простой вопрос, ведь как можно на самом деле вдруг остановиться, когда все в тебе “закипает”, когда все раздражает тебя в человеке, повергшем тебя в смущение? Каких-то специальных рецептов на этот счет авва Дорофей не дает, но одно слово, сказанное даже как бы вскользь, очень точно выражает смысл усилия над собой. “Когда возгорится раздражительность”, человек должен *замолчать*, то есть усмирить бурю внутри себя, найти силы вернуться к внутреннему миру в душе.

Простить и примириться...

Однако возможна и такая ситуация: охваченный обидой человек “замолчит, но будет продолжать смущаться и возбуждать себя...”, – рассматривает дальнейшее развитие страсти авва Дорофей. Обиженный действительно внешне держит себя в руках, чтобы не наговорить лишнего, но душа не обрела умиротворения. Какими усилиями возможно бороться с “гневом”, выросшим из раздражения и укрепившимся в душе?

Увы, каких-то “чудодейственных” средств, “снимающих” гнев механически, без тяжело дающихся внутренних усилий, здесь нет. Если так, то куда должна направляться внутренняя борьба с гневом? То, что в этом случае советует преподобный, также не ново и уже знакомо. Надо примириться. То есть действительно, на самом деле принять в свое сердце человека, который вызвал в душе бурю негодования.

За этим стоит глубочайший акт общения личности человека с иной личностью. Человек, ощущающий в себе неисчерпаемую красоту образа Божия (а на интуитивном уровне свое “величие” чувствуют все) должен признать такую же личностную глубину в другом человеке. Он должен признать в нем такую же богоподобную личность, какой ощущает себя сам, признать, что Бог любит и его крестной голгофской любовью как всякого человека. Он должен почувствовать, насколько не соответствует его мелочный гнев величию того, против кого он вспыхнул. И должен, как говорит авва Дорофей, отдать искренний поклон прощения... И тогда кровоточащая рана страсти, образовавшаяся в его собственной душе, будет уврачевана.

“Пролить кровь свою...”

Но и здесь остается опасность. “Иной ... сделав поклон, исцелил этим гнев, – продолжает авва Дорофей, – ...была у него рана, и он приложил пластырь ... Но она еще не совершенно зажила”. От малейшего прикосновения рана возобновляется. И тогда “огонь” раздражения и гнева может перегореть в “золу” злопамятности.

Злопамятность тем и опасна, что в ней нет столь остро переживаемого смятения, которое нельзя не заметить, в ней, напротив, всегда остается “ровный” фон болезненной ненависти. К ней человек может привыкнуть, может ее не замечать и не помнить, но как только на горизонте общения появится тот, кто явился предметом этой “злой памяти”, она сразу же даст о себе знать...

Такую страсть, ставшую уже привычной частью тебя самого, труднее

всего изгнать из своей души. И здесь преподобный авва Дорофей прямо предупреждает, что от злопамятности “человек не освободится, если не прольет крови своей”. Что это значит, в чем должна состоять борьба со страстью злопамятности? Предстоит действительно тяжелая борьба, если потребна сила духа воина, продолжающего сражение, несмотря на ранения, – “проливающего кровь свою”.

Но по сути дела и в этой борьбе трудно усмотреть что-то “особенное” и героическое. Это обычная борьба с привычкой, требующая постоянного неусыпного внимания к себе, чтобы ей противостоять. Это внимание к тому, какие чувства проносятся в моей душе, открытой, как поле, всем ветрам и непогодам... Авва Дорофей поэтому и говорит, что усилия против злопамятности заключаются в старании “не питать ни одного помысла в сердце своем...”.

Если извлечь максимальное назидание из сравнения страсти с раной на теле человека, то злопамятность – рана, слегка зажившая лишь на поверхности. Поэтому “...так должно подвизаться, – учит преподобный, – чтобы очистить совершенно и внутренний гной ... Молясь от всего сердца об оскорбившем...”. Вот теперь указано точное средство! Это молитва. Человек ставит себя перед судом Божиим. Он сознает безмерность Божией любви к себе и также к *тому*, из-за которого в силу мелочных, ничтожных причин сердце наполнилось тьмой огорчения, лишилось света и радости любви Божией... “Таким образом человек и молится за брата своего, а это есть знак сострадания и любви, – поучает авва Дорофей, – и смиряется, прося себе помощи, ради молитв его: а где сострадание, любовь и смирение, что может там успеть раздражительность, или злопамятность, или другая страсть?”.

Смущение “дымится и бросает искры...”

Как опытный наставник, авва Дорофей знает, что объяснить что-либо на словах, особенно если это – внутренний опыт сопротивления искушениям, очень трудно и даже совсем невозможно, если у человека нет хоть сколько-нибудь похожего собственного опыта. Он просто не поймет, о чем идет речь! Поэтому процесс развития злопамятности в человеческой душе авва Дорофей иллюстрирует параллелью, взятой из обыденности, с которой знакомы все.

Первый этап конфликта – смущение – авва Дорофей сравнивает с раскаленным угольком, какой можно выгresti из догорающего костра. Даже самый крошечный тлеющий уголек может послужить причиной большого пожара: “Кто разводит огонь, тот берет сначала малый уголек: это слово брата, нанесшего оскорбление”. Погасить эту искру пока еще совсем не трудно, да она и сама быстро погаснет, если не попадет в горючее вещество: “Если бы ты перенес малое слово брата твоего, то погасил бы, как я уже сказал, этот малый уголек”. Но если вместо того, чтобы дать искре погаснуть самой, бросить ее в легко воспламеняемый материал, то от нее разгорится (пока еще слабый) огонек: “Если же будешь думать: «зачем он мне это сказал, и я ему скажу то и то, и если бы он не хотел оскорбить меня, он не сказал бы этого, и я непременно оскорблю его», – вот ты и подложил лучинки, или что-либо другое, подобно разводящему огонь, и произвел дым, который есть смущение”.

Итак, когда солома или дерево начали тлеть и дымиться от упавшей искры, но еще не воспламенились, это в образной системе аввы Дорофея – смущение: “оно начинает, как мы сказали, дымиться и бросать искры...”.

Для этого этапа развития греха авва Дорофей приводит и другой, уже упоминавшийся, весьма убедительный пример из окружающей природы: “...отсекайте страсти, пока они еще молоды ... иное дело вырвать малую былинку, и иное – искоренить большое дерево”.

Кто подкладывает дрова в огонь...

Если первый этап развития конфликта авва Дорофей сравнивает с тлеющим угольком, попавшим в воспламеняемую среду, то нетрудно угадать, о чем он будет говорить дальше. Однако опытный наставник улавливает и эту тень разочарования на челе ученика, отгадавшего весь замысел. От пламени, оживляющего очаг или взметнувшегося над костром, он вдруг переходит к жару совсем другого рода: "...от сего самого стечения и, так сказать, столкновения помыслов согревается и разгорается сердце, и происходит воспламенение раздражительности...". "Не увлекайся и не забывай, – как бы говорит он, – что и «искра смущения», и «огонь в сердце», да и само слово «раздражительность» – это только метафоры, словесные модели духовных состояний, которые иначе чем через внешние аналогии и не передашь...".

"Вот как происходит раздражительность... – продолжает он. – Если же ты продолжаешь смущать и смущаться, то уподобляешься человеку, подкладывающему дрова на огонь и еще более разжигающему его...".

"Также когда возгорится раздражительность, если он и замолчит, но будет продолжать смущаться и возбуждать себя, то он делается, как мы сказали, подобным тому, кто подкладывает дрова на огонь...".

Итак, раздражение – это когда искру смущения раздувают и разгорающийся огонь снабжают "топливом". Но это еще не все: далее на третьей стадии последует гнев: что же приводит к нему? "Если же ты продолжаешь смущать и смущаться, то уподобляешься человеку, подкладывающему дрова на огонь и еще более разжигающему его, отчего образуется (много) горящего угля, и это есть гнев". Все те же "дрова", тот же горючий материал, подбрасываемый в тлеющее раздражение, приводит к тому, что "полюхнет" пламя гнева!

Что служит топливом для возгорания гнева? Из слов аввы Дорофея явствует, что "когда возгорится раздражительность, если он брат и замолчит, но будет продолжать смущаться и возбуждать себя, то он делается, как мы сказали, подобным тому, кто подкладывает дрова на огонь, и они горят, пока наконец образуется много горящего угля". "Горючее" гнева – все те же смутительные помыслы, распалаяющие в душе эту страсть.

А чтобы еще раз подчеркнуть, что гнев, как всякая страсть – болезненное, мучительное состояние, авва Дорофей обращается к иной параллели, не связанной с развернутой метафорой возгорания пламени из

искры. Гнев он сравнивает с раной на теле человека: “...была у него рана, и он приложил пластырь (то есть сделал поклон), и ... исцелил рану, то есть гнев...”.

Что приходит на смену “пламени”

Метафора разгорания конфликта из “искры” смущения в “пламя” гнева, казалось бы, исчерпана: что может быть страшнее бушующего пламени? что еще может быть после него? Однако авва Дорофей находит меткое соответствие и для последней стадии, для злопамятности: “...как горящее уголье, когда оно угаснет и будет собрано, может лежать несколько лет без повреждения, и даже, если кто польет его водою, оно не подвергается гниению: так и гнев, если закоснеет, обращается в злопамятность...”.

Из уже упоминавшегося “медицинского” сравнения страсти с раной преподобный Дорофей также выводит развернутую аналогию. Гнев не может слишком долго держать человека в возбуждении. Даже если он не искоренен совсем, состояние вражды принимает другие, более “спокойные” формы. Тот, в чьем сердце поселилась злопамятность, “... подобен человеку, имеющему рану и положившему на нее пластырь, и хотя он в настоящее время заживил рану, и она заросла, но место еще болезненно; и если кто-нибудь бросит в него камешком, то место сие повреждается скорее всего тела и тотчас начинает источать кровь. То же самое претерпевает и онный человек: была у него рана ... Но она еще не совершенно зажила; есть еще остаток злопамятности, который составляет верхнее закрытие раны, и от него удобно возобновляется вся рана, если человек получит хотя легкий ушиб”.

Единственная цель, с которой авва Дорофей и выстраивает поэтапное развитие страсти, и проводит детальные аналогии – вооружить учеников знаниями, как проще победить искушение: “Вот, вы слышали, что такое начальное смущение и что раздражительность, что такое гнев и что злопамятность ... Посему и говорю вам: всегда отсекайте страсти, пока они еще молоды...”.

Строение 8-го поучения аввы Дорофея

этап

в чем состоит

чем прекратить

сравнение

1) смущение

слово брата

(оскорбление);

возбуждение помыслов

молчание, молитва,

поклон от сердца

малый уголек;

подкладывание лучинок к угольку до появления дыма;

уголек дымится, бросает искры;

“малая былинка”

2) раздражительность (“острожелчие”, вспыльчивость)

отмстительное восстание на опечалившего;

раздражение и возбуждение сердца воспоминанием;

“жар крови около сердца”

замолчать, перестать смущаться и возбуждать себя

воспламенение; подкладывание дров в огонь

3) гнев(страсть,

“дерзость”)

“продолжать смущаться и возбуждать себя”

сделать поклон, т. е.

“заживить пластырем рану”

много горящего угля;

рана

этап

в чем состоит

чем прекратить

сравнение

4) злопамятность

(страсть)

скорбь и помыслы против брата;

воздавание злом за зло: делом, словом, видом, взглядом,
неудовольствием на брата в сердце своем;

злорадством, отсутствием радости от благополучия обидчика, огорчением от его успеха;

при повторном оскорблении после примирения – смущение также и о прежнем

“пролить кровь свою”;

стараться не питать ни одного помысла в сердце своем;

молиться за обидчика, т.е. проявить к нему сострадание, любовь и смирение;

“очистить внутренний гной зажившей сверху раны”

угасшие уголья, которые могут сохраняться несколько лет;

не совсем еще зажившая рана, которая возобновляется даже от легкого ушиба;

“большое дерево”, которое трудно искоренить

Сколько раз нужно услышать урок, чтобы его усвоить

“Искусством из искусств” называет преподобный авва Дорофей труд человека над своей душой. “Какой человек, желая научиться искусству, постигает его из одних слов?”, – задает вполне риторический вопрос наставник и сам же отвечает на него: “Нет, сперва он работает и портит, работает и уничтожает свое дело; и так, мало-помалу, трудами и терпением научается искусству ... А мы хотим искусству искусств научиться одними словами, не принимаясь за дело”.

Но без слов тем более не обойдешься. Прежде чем ученик загорится желанием “попробовать” самому, он должен глубоко проникнуться содержанием урока, полностью *усвоить* (то есть сделать “своим”) урок во всех деталях. Современные педагоги-методисты и психологи разрабатывают новые дидактические методы, пытаясь нащупать педагогические технологии, которые бы при минимальном усилии ученика давали максимальный эффект усвоения. И здесь еще раз приходится убедиться, что новое – это хорошо забытое старое. Многие из тех приемов, приоритет открытия которых присваивают нынешние ученые, применял в VI в. авва Дорофей в форме, доведенной до совершенства.

Если подсчитать, сколько же раз на протяжении *Поучения о злопамятности* авва Дорофей воспроизводит процесс развития этой страсти, то обнаружится весьма солидное число – десять. Этого более чем достаточно, чтобы хорошо его запомнить, даже не прилагая особых усилий. Да и красивое число 10, особенно в то время, когда более, чем сейчас, придавали значение равновесию частей внутри текста, играло свою роль. Однако, зная точно все законы восприятия смысла людьми, чтобы не наскучить им, авва Дорофей все время варьирует четыремя этапами развития злопамятности. Все четыре этапа вместе он дает только трижды, остальные семь раз недостает какого-то одного или даже двух из них. Так что получается, что смущение и раздражение упомянуты из десяти всего по 7 раз, а гнев и злопамятность по 8 раз. Все эти числа, с точки зрения тогдашней эстетики, также носят печать совершенства.

Если посмотреть на то, какие этапы и когда пропускает автор, то и здесь обнаруживается определенная закономерность. Первый раз, представляя все развитие, он пропускает первый этап – смущение: “мы не только не оставляем раздражительности и гнева, но и предаемся злопамятности”.

Второй раз, соответственно, пропускает второй этап – раздражение – и только третий раз авва дает все полностью, но в обратной последовательности, что вполне логично, поскольку сразу определяется степень тяжести каждого из этапов: “...ибо иное злопамятность, иное гнев, иное раздражительность и иное смущение”. В четвертый раз он пропускает не только четвертый этап – злопамятность, но и третий – гнев, который, против ожидания, не выпал в предыдущий третий раз: “Смущение же есть то самое движение и возбуждение помыслов, которое воздвигает и раздражает сердце. Раздражение же есть отомстительное восстание на опечалившего”. А в следующий, пятый раз, видимо, чтобы все же точно выдержать принятый принцип, он опускает только один последний этап – злопамятность.

Такое скольжение пропущенного этапа в результате придает всему поучению вид нисходящей лестницы (если, конечно, его содержание откладывается в голове в виде зрительно формируемой схемы). Это – лестница, уводящая в преисподнюю ада...

Наконец, только в шестой раз, как бы открывая ученикам всю схему, которую они и так уже восстановили для себя из фрагментов, он дает точную последовательность четырех этапов: “ибо если кто-либо в начале смущения ... поспешит укорить себя ... Гнев, если закоснеет, обращается в злопамятность”. И тут же еще раз повторяет все четыре этапа для закрепления: “Вот, я вам показал различие: понимаете ли? Вот, вы слышали, что такое начальное смущение и что раздражительность, что такое гнев и что злопамятность”, – это седьмое по счету повторение всего развития страсти.

Оставшиеся три упоминания сконцентрированы в основном на последних этапах. Дважды авва Дорофей пропускает смущение и раздражение, один раз – гнев и ни разу не упускает злопамятности.

Восьмой раз он пропускает оба первых этапа: “исцелил этим гнев, но еще не подвизался против злопамятности”. А последние два раза – по одному из них. Девятый – есть смущение, но нет раздражения; десятый – наоборот, раздражение есть, нет смущения, отсутствует также и гнев: “где сострадание, любовь и смирение, что может там успеть раздражительность, или злопамятность, или другая страсть?”.

Из этого видно, что авва Дорофей, чтобы достичь усвоения нравственного урока, “задействовал” сразу несколько уровней интеллектуально-духовной работы. Когда решается вполне рассудочная задача – уловить схему повествования, то умственное напряжение при этом делает человека более восприимчивым к решению духовной задачи –

противостоянию страсти. При этом, как говорят современные педагоги, ученик все время остается в “ситуации успеха”: степень сложности интеллектуальной задачи такова, что она не отпугивает ученика, но напротив, стимулирует к решению.

Примечания

¹ - Авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания. Изд. 8-е. Св.-Троице-Сергиева Лавра, 1900, сс. 99–105 (Репринт: Тула, 1990).

² - Святитель Григорий Богослов. Творения. Репринт. Т. 2. Св.-Троице-Сергиева Лавра, 1994, с. 200.

³ - Святитель Тихон Задонский (Симфония по творениям св. Тихона Задонского. Сост. архим. Иоанн (Маслов)), МДА, 1981, сс. 429–430.

Содержание

«Конфликтология» преподобного Аввы Дорофея протоиерей Михаил Дронов	1
Почему современен авва Дорофей	2
Развитие “конфликта” по авве Дорофею	3
Во что перерастает раздражение?	5
В чем состоит “злопамятность”?	6
Преодоление конфликтов	8
Простить и примириться...	9
Смущение “дымится и бросает искры...”	11
Кто подкладывает дрова в огонь...	12
Что приходит на смену “пламени”	14
Строение 8-го поучения аввы Дорофея	15
Сколько раз нужно услышать урок, чтобы его усвоить	17
Примечания	20